

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
П26

Оформление серии *Ильи Саукова*

Серия основана в 2004 году

Художник *Олег Щербаков*

Модель для обложки: *Виктория Енаева*

Черно-белые иллюстрации в тексте и на форзаце:  
*Жанна «Shuh» Шухтина*

**Перумов, Ник.**

П26      Война ангелов. Игнис / Ник Перумов. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — (Ник Перумов).

ISBN 978-5-04-107276-6

Нет никого страшнее людей, готовых нести счастье всем, даром и чтоб никто не ушёл обиженным — особенно если эти люди владеют высокой магией. И вот уже знаменитая Гильдия Боевых Магов отступает и несёт потери, горят миры и рушатся крепости, а Долина Магов оказывается в опасности. Что поможет победить, переломить волю фанатиков? Чародейка Клара Хюммель считает, что оружие, валькирия Райна — честь, Ричард д'Ассини — хитрость, а ловец магических тварей Эварха — здравый смысл... Однако, так или иначе, бой приходится принять, и Гильдия стоит насмерть. Ловец Эварха, волей судьбы оказавшийся в самой гуще событий, чувствует за всем этим чью-то злую волю — только вот чью?

Финальная битва Войны ангелов ответит на все вопросы!

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107276-6

© Перумов Н., 2020  
© Оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2020



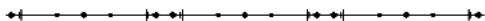
## ГЛАВА 1

Ловцом Эварха был хорошим, а вот самому уловленным быть ему ещё не приходилось. По крайней мере, так унизительно, как сейчас.

Девчонка Хаэльдис припрятала монастырское золото где-то среди полипов, в глубине зарослей. Вернулась мрачная, с расцарапанной скулой — явно лазила по опасным местам, прятала понадёжнее, но недалеко. Эвархе это не понравилось — если девица почти его не стесняется, значит, уверена, что ему уже не вырваться, не вернуться сюда за своими денежками.

Что она задумала? Убьёт? Сдаст местным магам для опытов или местным жрецам для жертвенника?.. Шансы выкрутиться, честно признался себе ловец, во всех случаях весьма невелики. Но сдаваться он не собирался.

На вопросы она больше не отвечала, молча и тщательно обыскала пленника, прощупав и швы, и подкладку куртки, и даже поковыряв сапожные каблук-



ки толстым коротким ножом. Эварха лишился всего своего имущества, в том числе и бесценного мизерикорда, ритуального игольчатого клинка, носимого на запястье — а вот перстень с черепом остался. Похоже, черепушка умел, когда надо, прикидываться незаметным — даже маги Долины, уж на что многознающие, и то внимания не обратили. Увидел его разве что этот их Архимаг, больно уж цепкий старик, мимо такого и призрак незамеченным не проскочит, — но почему-то не тронул.

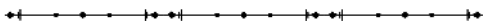
Потом она повела его к сиявшему впереди миру, слегка подталкивая в спину. Развязывать верёвки эльфийской работы тоже не стала, лишь слегка распутала лодыжки, так что Эварха семенил по тропе мелкими шажками, точно императорская наложница на прогулке.

Но когда тропа уже нависла над облаками и небольшим, ласковым светилом, когда взорам открылся океан с коричневато-зелёными заплатами материков и крапинками островов, — на пути выросла застава.

«Эвон что, — удивился ловец, — и эти додумались заплоты в Межреальности ставить, как монахи! Неужто для них из мира выбраться — проще жареных грибов?.. Оно далеко не всем магам по силам, а тут, глядите, обычные стражники!»

Заплот оказался небольшим — не крепость и не монастырь, как возле Игниса, а всего лишь связанный из сухих стволиков полипов плетень, за которым укрывались вооружённые до зубов стражники. Не больно-то какая сила, но и мимо незамеченный не пройдёшь. Хаэльдис придержала ловца за локоть и замахала рукой — свои, мол, свои!

Начальник, чей шлем украшало пышное синее перо, глянул на неё свысока.



— Ого, пигалица! Кого-то словила, я погляжу?

Хаэльдис выпрямилась.

— Доглядчика веду, поймала недалече. То-то нам с вами награда выйдет!

Стражники захохотали.

— А пошлина, пигалица? Награда наградой, а пошлины никто не отменял!

— Пустоват доглядчик, господин начальник Нитте. Вот, всё, что нашуршала. — Девчонка, честно хлопая глазами, протянула им верный дорожный нож Эвархи, и ловец едва не застонал от досады. Ну надо же так глупо, так недостойно попасться и всё потерять, даже нож!..

Начальник стражи ухватил Хаэльдис за подбородок и приподнял голову, вглядываясь в гневно прищуренные глаза; она не сопротивлялась, только сжала побелевшие кулаки. «Да если б она могла, — подумал Эварха, — она бы всех этих мужиков в кирасах перерезала бы не задумываясь» — такая в ней полыхнула ярость.

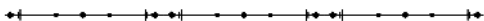
— Птичка моя, — нежно сказал Нитте, — нехорошо обманывать старших. Благодарю вышние силы, что ты такая костлявая, а то мы бы тебя за неуважение к порядку тут же бы и растянули...

Стражники опять загоготали — чувствовалось, что подобный ритуал они проделывают не впервые, — однако гоготом пока и ограничились.

— Нехорошо так, Хаэ. — Начальник покачал головой. — Ну так что, растянем тебя или всё-таки внесёшь положенную плату?

— Иглокрыла вам в ..! — прошипела Хаэльдис.

Разжала кулак — нож упал на тропу, полезла куда-то за пазуху и извлекла три полновесных золотых кругляша.



«Господин начальник Нитте» с немалой ловкостью их забрал и задумчиво взвесил на ладони, не торопясь отпускать девчонку.

— Это что, всё, что ли, пигалица? Маловато будет!..

Хаэльдис задёргалась, пытаясь высвободиться, так что Эварха даже испугался за неё. Помрёт ещё! Конечно, пленником девчонки быть унизительно, зато не так вредно для здоровья, как пленником этих бугаев и амбалов.

— Эй, ты, она ж сейчас задохнётся!..

Стражники совсем развеселились.

— Надо же, кто заговорил! Может, подойдёшь, поучишь, как с девкой обходиться?..

— Развяжете — поучу!

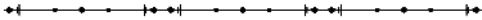
Стражники так и покатались со смеху, а начальник веско заметил:

— Мы товар не портим. Вот поработают с тобой падре нашего возлюбленного профосы, тогда и приходи. Если сможешь...

— Тварина ненасытная, — прохрипела Хаэльдис, стараясь вывернуться. — Чтоб тебе чрево разорвало!

Нитте покачал головой и чуть сильнее сжал ей горло. Хаэльдис тщетно билась, скребла пальцами его руку — хватка разве что усиливалась. Эх, удавит ведь, как котёнка...

— Оскорбление стражи при исполнении ею святого долга защиты карается заключением в холодную камору до осознания злохульником своей вины, — нараспев процитировал господин начальник, споро обыскивая свободной рукой дёргающуюся девчонку. Золотые он уже куда-то спрятал. Мигнул подчинённым — и один из стражей, бородатый детина в кожа-



ном доспехе, так же споро обыскал и Эварху. Ловец крепче сжал кулак с перстнем — но перстня стражник тоже словно бы не заметил.

— Ну что ж ты такая костлявая, а? — Господин Нитте с сожалением отпустил Хаэльдис. Та кулём рухнула на тропу, тут же схватившись за шею. — Тебя и щупать-то удовольствия никакого! Хоть бы отъелась ради нас, пигалица.

Девчонка молчала, сверля стражников злобным взглядом.

Добычей Нитте стала тонкая золотая цепочка с синим камушком — очевидно, собственность Хаэльдис, — и принадлежавший Эвархе амулет-путеводитель. Не то «золотое яблочко», что ссудил ему Пустошник, а другой, выданный в Долине, — шар из чёрного стекла, в котором золотыми звёздочками сияли окрестные миры. Очень полезная штука.

Была, поправил себя ловец.

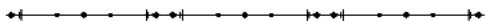
Прочие его амулеты, очевидно, ушлая девица припрятала в тех же зарослях.

— Нехорошо скрывать от старших такие вещи, — назидательно произнёс господин Нитте, крутя в пальцах амулет. — Вечно тебя учить надо, отчего ты такая упрямая, а?..

Стражники в предвкушении добычи заметно оживились.

— А ежели немного откормишься, то и по Между-мирию бегать не надо — служи при нашем посту, хе-хе, в тепле да сытости, мы тебя не обидим!

— Да бросьте её, господин! — крикнул кто-то. — Мы себе пофигуристее найдём и происхождением получше! А эта чокнутая *gwastraff* пусть и дальше на побегушках скачет!



Хаэльдис буркнула нечто нечленораздельное — похоже, снова проклятие, однако стражники посмеивались вполне добродушно.

Девчонка, как видно, расплачивалась таким образом не впервые. И явно находилась под чьей-то защитой — ибо стражники всё же не решились навредить ей по-настоящему.

— Сдаётся мне, дева, мы с тобой похожи...

Хаэльдис метнула в его сторону злобный взгляд, но ловец заметил и пробежавшую по её лицу тень облегчения. Так-так, птичка-то думает, что всех обманула!.. Удачно откупилась от рубежной стражи золотом — чужим, заметьте, золотом, как не преминул бы добавить старина Пустошник; удачно припрятала добычу, а Эварху записала в покойники. Ну, это мы ещё поглядим!..

— Давай-давай, шевелись шибче, золотенький. Мало у нас времени, ох, мало...

От поста до привольно раскинувшегося мира идти оставалось всего ничего.

Мир оказался плоский, как и тот, погибший, вокруг которого вились роем ангелы.

А этот был жив: текли по зелёно-коричневым равнинам голубые реки, вздымались чёрно-серые горные пики, увенчанные белоснежными ледяными коронами, волновались под привольными ветрами золотисто-зелёные степные просторы, синие океаны несли на своих спинах бесконечную череду волн. Ловец аж залюбовался.

— Скажи-ка, дева Хаэльдис, что это за место?

Она дёрнула плечом:

— Идиллия. Так прозывается. Нешто не знал, коль ошиваешься окрест?



— Не знал. Я тут вообще случайно очутился. Ты бы, прежде чем узлы-то на мне вязать, спросила сначала...

Девчонка только фыркнула в ответ. Вытащила откуда-то грязный платок и принялась на ходу стирать с лица маскировочные полоски.

— А в этой вашей Идиллии куда мы пойдём?

— Много будешь знать, скорее сгинешь, золотенький. Вначале допросят, как уж положено, а там как Спаситель попустит.

— Да в чём же мне признаваться? Я случайно под магический удар попал, меня как швырнуло, да и выбросило сюда! Неужто мимо вашей Идиллии проходить — уже преступление?!

Вместо ответа она легонько подтолкнула Эварху к краю тропы:

— Вниз давай. Хватит лясы точить. Путь нам скорый да тяжёлый.

Поначалу ловец не понял, отчего это путь тяжёлый. В мир спускались безо всяких приключений, почти незаметно, как и в Игнисе, — словно кто-то специально построил незримую лестницу в небесах. Эварха будто на крыльях летел, невзирая на путы, — только чувствовал, как Хаэльдис время от времени бросает какие-то заклятия, то ли открывая перед ними дорогу, то ли облегчая её.

Внизу, под белыми облачными перьями, лежала земля — на вид самая обычная, неровные квадраты полей, тёмные кляксы городов, дороги, реки...

Присмотреться ловец не успел — спустились быстро, под конец чуть не кубарем на землю скатились, очутившись за городской окраиной, на задах не то постоянного двора, не то конюшни.





Голова у ловца изрядно кружилась после стремительного спуска, однако девчонка отлежаться не позволила. Пинками и понуканиями подняла его на ноги и потащила за собой — какими-то козыими тропками позади помоек и заросших бурьяном огородов, приговаривая:

— Ну, шевели копытами, сыть вампирья, коль жить охота! Скинулись-то мы скоро, да не тайно! Сейчас злыдни княжки наскочат, повяжут нас, ежели не утечём! Давай, давай!

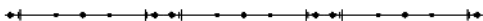
При этом, конечно, никто и не подумал снять с ловца стянувшие щиколотки верёвки. Совершенно одуревший, он семенил за Хаэльдис, то и дело спотыкаясь, торопясь, хотя понятия не имел, почему «злыдни княжки» так рвутся наскочить и повязать.

Путь их кончился внезапно, за каким-то полуразрушенным санным сараем.

— Нишкни! — Хаэльдис для пущей доходчивости дала ловцу лёгкий подзатыльник. — Пикнуть не моги! Вернись скоренько.

Эварха покорно плюхнулся на полусгнившее бревно и сидел на нём, постепенно приходя в себя. Мир вокруг переставал кружиться, и до ловца стало доходить, что вокруг ранняя осень, что солнце давно перевалило за полдень и что они с Хаэльдис и вправду находятся в каком-то небольшом селении — недалеко слышался собачий лай, стук топора, недовольное мычание и глухой перезвон церковного колокола; на ловца напылав запах навоза, опилок и — самое главное — слегка подгоревшей каши. В животе требовательно заурчало, и тогда Эварха решил, что достаточно очнулся, чтобы попытаться освободиться.

Не вышло — не успел он исследовать узлы на тонкой серебристой верёвке, как вернулась Хаэльдис, ведя



в поводу пожилого мерина гнедой масти, запряжённого в старую-престарую тележку. В тележке горой навалена была свежесобранная брюква, даже землю толком не обтрясли.

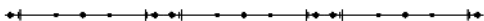
— Поселяне, жадюги, за брюкву содрали, как за лучшую пшеницу, — пожаловалась девчонка, утирая вспотевший лоб. Пёстрое перо по-прежнему каким-то чудом держалось у неё в волосах. — Сиди смирно, золотенький, буду чары наводить. Дёрнешься хоть разок — худо будет, ой, худо!

Эварха счёл за лучшее не дёргаться. Мало ли, что у неё на уме... А Хаэльдис, привязав мерина у щербатой стены, принялась раскладывать вокруг пленника пучки сухих трав, косточки, камушки и связки разноцветных ниток. При этом она шептала что-то на непонятном языке, прищёлкивала пальцами, постукивала камушками, и Эварха сам не заметил, как на него навалилась тяжкая, неодолимая дремота. Он разом спал и не спал, всё видел, всё слышал, ощущал, но не имел силы пошевелиться. Даже думать — и то толком не мог.

Хаэльдис шептала долго, а как закончила — сняла с пленника верёвки.

— Ну вот, не утечешь ноне, золотенький... Поехали, покамест чары свеженьки! Давай-давай, не то ущучат нас, кто к князю попадёт, того и костей не найдёт! — и прибавила ещё какое-то слово, от которого Эварху словно вздёрнуло на ноги.

Повинуясь командам Хаэльдис, он взгромоздился на тележку, девчонка села рядом, причмокнула, и мерин равнодушно потащился по кочкам. Деревня осталась позади, и вскоре они выехали на оживлённый тракт, ведущий к видневшемуся вдалеке городу.



Повозки, гружённые разнообразным товаром, влекомые медлительными чёрными волами; гикающие верховые; вереницы крестьян и крестьянок, тащившихся по вытоптаным обочинам, какие-то паломники, нищие, бродячие торговцы; старая тележка с брюквой очень быстро затерялась в этом потоке.

Мрачноват был, если честно, этот поток, даже очень. Редко на ком мелькнёт добрый плащ или хотя бы справная рубаха. Да и, судя по лицам, народ здесь скорее привык к бедам и несчастьям — большинство угрюмые, словно пришибленные. Местность справа и слева от дороги тоже не располагала к идиллическим мыслям — домишки попадались мелкие, низкие, тесные, не сравнить с тем же Игнисом. Там простой народ, насколько помнил ловец, отнюдь не бедовал.

Сам же Эварха только и мог, что тупо тарашиться на мелькающие лица и ступицы колёс, зато Хаэльдис, кажется, немного расслабилась. Откинулась на прикрытую мешковиной брюкву, достала из заплечного мешка осколок мутного зеркала.

— Глянь, золотенький, какие мы красавы! Эльфью кровь твою княжбим ищейкам не учуять, глянь!

Эварха с трудом перевёл взгляд. В осколке отражались две на редкость несимпатичные рожи — чумазые, одутловатые, красные от солнца и браги; пегие волосы у мужчины встрёпаны, у женщины — повязаны нечистым платком. Ловец не сразу даже понял, кого он там на самом деле видит.

— Хороши вышли, а? — Хаэльдис игриво ткнула его острым локтем. — На вот, поешь пока. А то непонятно, что впереди-то ждёт.

Она сунула ему в руку чёрствую горбушку, сама с энтузиазмом вгрызлась в другую.

— Нищево у этих пощелян не допроцишья! — сокрушалась она с набитым ртом. — Шухарей продали задорого...

К городу они подъехали, когда уже вечерело. Ворота ещё стояли открытыми, однако повозки перед ними сгрудились, мешая друг другу, возчики и торговцы отчаянно ругались, пихались, лезли вперёд — никто не хотел оставаться ночевать под стенами.

Хаэльдис, завидя столпотворение, свернула на обочину. Мерин невозмутимо тащил тележку по траве, распугивая устраивающихся на ночлег паломников и нищих — вслед неслась отборная ругань, но деву это не смущало. Одной рукой удерживая вожжи, другой она извлекла из-за пазухи глиняную флягу, зубами выдернула пробку и щедро плеснула Эвархе на грудь домашним самогоном.

— Вот и славно!..

Ловец не имел сил сопротивляться и покорно вдыхал пары самогона, чувствуя, как начинает кружиться голова.

— Вот, золотенький, ты уже и лыка не вяжешь!

Тележка, переваливаясь, подкатила к воротам с другой стороны, где пропускали пеших. Хаэльдис спрыгнула на землю, повела мерина в поводу, нещадно толкаясь.

— Эй, ты! — Стоявший у ворот стражник замахал руками. — Куда прёшь, сущеглупая? Иль не видишь, с повозками — туды! Туды, я сказал!

— Ой, да разве ж это повозка, миленький! — заголосила девчонка, удивительно точно копируя деревенскую бабу. — Это не повозка, это гроб ездячий! А в нём смертушка моя спит, нализался по дороге, где только успел, скотина эдакая!..